

Евсевій никомидійскій и Лукіанъ.

(Къ вопросу о происхожденіи арианства).

(Окончаніе).

Какимъ образомъ лүкианисты дошли до признанія Сына происшедшимъ изъ ничего, объяснить не трудно. По всей вѣроятности, полемика Евсевія Никомидійскаго противъ ученія о рожденіи изъ существа заимствована имъ у Лукіана, а этимъ послѣднимъ у Оригена: ученіе св. Александра александрійскаго само по себѣ не подавало никакого повода къ такой полемикѣ. Но это выраженіе отвергаль Оригенъ, и Лукіанъ въ полемикѣ противъ него могъ пойти нѣсколько дальше Оригена. Но разъ Сынъ Божій не изъ существа Отца и не *ἐξ ἐλοχεμένου τινός*, то откуда же? Самъ Лукіанъ очевидно не давалъ яснаго отвѣта на этотъ вопросъ, ссылаясь на непостижимость рожденія Сына. Но Аріій поставилъ вопросъ ребромъ и рѣшилъ его: изъ ничего *ἐξ οὐκ ὄντων*.

Для освѣщенія вопроса о томъ, какъ училъ Лукіанъ объ отношеніи рожденія Сына ко времени имѣеть интересъ слѣдующее мѣсто въ письмѣ арианъ къ Александру:

Καὶ ὁ μὲν Θεὸς αἴτιος τῶν πάντων τιγῶνων, ἐστὶν ἀναρχος μονώτατος. Ὁ δὲ Υἱὸς, ἀχρόνως γεννηθεὶς ἐπὶ τοῦ πατρὸς. καὶ πρὸ αἰώνων κτισθεὶς καὶ θεριελωθεὶς, οὐκ ἦν πρὸ τοῦ γεννηθῆναι, ἀλλ' ἀχρόνως πρὸ πάντων γεννηθεὶς μόνος ἐπὶ τοῦ πατρὸς ἐπέστη. Οὐδὲ γὰρ ἐστὶν αἰδιος, ἢ συναίδως, ἢ συναγέννητος τῷ πατρὶ· οὐδὲ ἅμα τῷ πατρὶ τῷ εἶναι ἔχει.

Итакъ Сынъ родился отъ Отца внѣ времени, *ἀχρόνως*, и прежде всѣхъ вѣковъ, и однако онъ не вѣченъ и не совѣченъ Отцу и не существовать до рожденія! Слѣд., понятія людей 3—4 в.в. о временномъ и вѣчномъ далеко не совпа-

дали съ нашими: и „прежде всѣхъ вѣковъ“ и даже раньше времени, въ безвременномъ состояніи“, *ἀχρότως*, для нихъ всетаки мыслилось какое-то время. И вотъ въ этомъ то „вышевременномъ“ времени, по Арію родился Сынъ Божій. Но съ другой стороны *αἰδίος*, для него означало тоже, что *ἀναρχος*: онъ не могъ представить себѣ вѣчнаго рожденія, и въ этомъ рѣшительно расходился съ Оригеномъ. Слѣд., выраженіе лукіановскаго символа „*πρὸ τῶν αἰώνων*“—допуская что символъ этотъ въ основѣ лукіановскій—нисколько не противорѣчитъ предположенію, что Лукіанъ представлялъ себѣ рожденіе Сына актомъ временнымъ, и можетъ быть даже высказывался въ этомъ смыслѣ предъ своими учениками. Но съ другой стороны отмѣченное вербальное противорѣчіе въ письмѣ аріанъ къ Александру допускаетъ и такое объясненіе: самъ Лукіанъ училъ (какъ и Оригенъ) о рожденіи Сына не только предвѣчнымъ, но и довременномъ (*ἀχρότως*) въ строжайшемъ смыслѣ этого слова. Но такъ какъ Лукіанъ, при этомъ, какъ и Оригенъ называлъ Сына твореніемъ, *κτίσμα*, преже вѣкъ основаннымъ въ начало путей Отца, слѣд. рожденномъ или созданномъ для творенія міра; и особенно настаивалъ на томъ, что только одинъ Отецъ есть нерожденный и безначальный, то Аріій, для котораго *αἰδίος* было синонимомъ съ *ἀγέννητος* и *ἀναρχος*, сдѣлалъ отсюда выводъ, что слѣд. и Сынъ, хотя и рожденный преже вѣковъ и времени, всетаки родился въ какое-то особое время и не существовалъ до рожденія.

Изъ письма Евсевія къ Павлину видно что Лукіанъ обращалъ особенное вниманіе на слова Притчей 8, 2: Господь созда мя и пр... можетъ быть потому, что видѣлъ въ нихъ особенно сильное орудіе въ борьбѣ съ савелліанствомъ. И, можетъ быть, подобно Діонисію александрійскому, комментируя это мѣсто заходилъ дальше, чѣмъ слѣдовало, въ сравненіи Сына Божія съ „прочими тварями“. Низлишне напомнить, что и въ символѣ Лукіана Сынъ Божій называется „перворожденнымъ всея твари, *πρωτότοκον πάσης κτίσεως*“. А изъ ученія о Сынѣ Божіемъ, какъ твари, слѣдовало конечно тотъ логическій выводъ, что Онъ произошелъ во времени и изъ ничего. Самъ Лукіанъ такого вывода не сдѣлалъ, но Аріій и другіе ученики его сдѣлали его, оставаясь „лукіаннистами“, видя въ себѣ не творцовъ совершенно новой до-

гматической системы, а совершенно вѣрныхъ учениковъ Лукіана, лишь сказавшихъ ясно то, что, предполагается, сказали бы, если бы нашелъ нужнымъ, и самъ учитель.

Обращаетъ на себя вниманіе и то обстоятельство, что Евсевій никомидійскій приводитъ въ своемъ письмѣ то самое мѣсто изъ книги пророка Исаи (I, 2), какое, по словамъ Александра александрійскаго, приводили аріане, въ доказательство измѣняемости Сына въ нравственномъ отношеніи, хотя приводилъ и не съ тою цѣлью, какъ эти аріане. Можно, слѣд., думать, что и это мѣсто приводилъ уже самъ Лукіанъ. И такъ какъ аріане приводили это мѣсто для доказательства такого пункта своей доктрины, въ которомъ ихъ система соприкасается съ системой Павла самосатскаго, то разумѣется само собою напрашивается предположеніе, что и самъ Лукіанъ приводилъ эти слова съ тою же цѣлью, какъ и аріане, слѣдовательно и онъ признавалъ Сына Божія измѣняемымъ по природѣ.—Но, спрашивается, почему же въ такомъ случаѣ, Евсевій никомидійскій приводитъ эти слова совсѣмъ съ другою цѣлью, доказывая ими только то, что названіе „Сынъ“ не доказываетъ, что Сынъ Божій родился изъ Самаго Существа Бога Отца? И почему оба лукіаниста, и Евсевій, и самъ Аріій въ письмахъ къ Евсевію и Александру, равно какъ и символъ Лукіана, называютъ Сына Божія неизмѣняемымъ *ἀτρέπτος καὶ ἀναλλοίωτος*?—Нельзя также оспаривать и того, что разъ ученіе Лукіана было гораздо болѣе возвышенно, чѣмъ ученіе Арія, то онъ едва ли могъ признать Сына Божія измѣняемымъ нравственно.

Въ виду этого позволяли себѣ выставить такую гипотезу: цитату изъ Исаи I, 2 и Евсевій никомидійскій и аріане у Александра въ *Ψήλαρχος* взяли у Лукіана. Но первый взялъ его изъ позднѣйшихъ сочиненій Лукіана, писанныхъ имъ по примиреніи съ церковью; послѣдніе изъ раннѣйшихъ, написанныхъ тогда, когда Лукіанъ находился вѣдѣ церковнаго общенія и былъ послѣдователемъ Павла самосатскаго. Какъ ученикъ Павла, Лукіанъ пользовался этимъ текстомъ для доказательства, нравственной измѣняемости Христа, какъ человѣка, въ которомъ только обитало Слово. Но соединившись съ церковью и признавъ Христа за первую и совершеннѣйшую тварь, за второго Бога, Лукіанъ пересталъ считать его измѣняемымъ: и знакомымъ ему текстомъ изъ Исаи

сталъ пользоваться для другой цѣли. Что аріане могли пользоваться и тѣми сочиненіями Лукіана, которыя онъ писалъ еще какъ ученикъ Павла самосатскаго, пожалуй даже и вовсе не замѣчая въ нихъ ереси, доказываетъ хотя бы извѣстная исторія съ твореніями Аполлинарія лаодикійскаго.

Возможно также (и даже и очень вѣроятно), что переходъ Лукіана отъ Павла самосатскаго къ церкви былъ постепенный, и относительно нѣкоторыхъ его сочиненій (писемъ) очень трудно было рѣшить, написаны ли они Лукіаномъ—схизматикомъ или Лукіаномъ—пресвитеромъ антиохійскимъ. Можетъ быть, изъ одного изъ такихъ, написанныхъ въ переходномъ состояніи, сочиненій Лукіана аріане и заимствовали ученіе о нравственной измѣняемости Сына Божія съ ссылкой на Исаю 1, 2.

Изложенная гипотеза—какъ ни рискованна можетъ показаться она на первый взглядъ—представляется мнѣ весьма правдоподобной, потому что она, кажется, даетъ возможность наилучшимъ образомъ объяснить колебаніе Арія и его послѣдователей въ вопросѣ о томъ, нужно ли признавать Сына Божія измѣняемымъ или неизмѣняемымъ. Въ догматической системѣ вполне оригинальной, такое колебаніе было совершенно непонятно. Не вполне понятно это и въ томъ случаѣ, если предположить что Арій и его союзники лукіанисты пользовались лишь тѣми сочиненіями Лукіана, въ которыхъ его ученіе излагалось имъ уже въ окончательной формѣ. Но это колебаніе вполне понятно, какъ отраженіе двухъ различныхъ стадій развитія догматической системы Лукіана: ученіе о Сынѣ Божіемъ, какъ измѣняемомъ, принадлежитъ Лукіану, какъ ученику Павла самосатскаго; Лукіанъ же православный пресвитеръ антиохійскій считалъ его неизмѣняемымъ и непреложнымъ.

Становится теперь понятнымъ и отношеніе къ Лукіану оміусіанъ, и тотъ фактъ, что приписываемый ему символъ—2-я антиохійская форма отличается столь возвышеннымъ содержаніемъ. Если бы ученіе Лукіана было чистымъ арианствомъ, то оміусіане—рѣшительные противники аноміиства—не стали бы именно на него ссылаться какъ на свой авторитетъ, и 2-я антиохійская формула не только не могла бы принадлежать ему, но и не была бы ему приписана.

Письма двухъ лукіанистовъ даютъ, кажется, возможность

высказаться опредѣленно и по вопросу о томъ, дѣйствительно ли 2-я антиохійская формула—и въ какой мѣрѣ—принадлежить Лукіану 1).

Выше уже отмѣчены нѣкоторыя точки соприкосновенія этого символа съ письмами лукіанистовъ:

1. *Πρὸ τῶν αἰώνων* cf. Arii ad. Euseb: *πρὸ χρόνων καὶ πρὸ αἰώνων* ad. Alex. *πρὸ χρόνων αἰωνίων δι' οὗ καὶ τοὺς αἰῶνας καὶ τὰ ὅλα πεποιήσας—πρὸ χρόνων καὶ πρὸ αἰώνων κτισθέντα—ἀχροῦως γεννηθεῖς—καὶ πρὸ αἰώνων κτισθεῖς καὶ θεμελιωθεῖς.*—Euseb. ad. Paulin (въ цитатѣ изъ Притч. 8, 23): *πρὸ τοῦ αἰῶνος ἐθεμελίωσέ με.*—Изъ письма Евсевія къ Павлину видно, что выраженіе *πρὸ τῶν αἰώνων* заимствовано изъ Притч. 8, 23—изъ классическаго библейскаго текста арианъ. Конечно, отсюда взялъ его и самъ Лукіанъ.

2. *ἄτρεπτον τε καὶ ἀναλλοίωτον* cf. Arii ad. Euseb. *ἀναλλοίωτον* ad. Alex. *ἄτρεπτον καὶ ἀναλλοίωτον* Euseb. *τῇ ἀναλλοιώτῳ—φύσει.*

3. *πρωτοτόχον πάσης κτίσεως* (Колосс. I, 15). На это выраженіе ап. Павла ни Аріи и Евсевиі не ссылаются въ своихъ письмахъ. Но и оно безспорно лежитъ въ основѣ ихъ воззрѣній на Сына Божія, какъ на тварь.

4. Но особенно интересны слова въ заключительной части припискѣ къ символу Лукіана (аналогичной съ никейскимъ анаѳематизмомъ), во 2-мъ анаѳематизмѣ: *Καὶ εἰ τις λέγει τον Υἱὸν κτίσμα ὡς ἐν τῶν κτισμάτων, ἢ γέννημα ὡς ἐν τῶν γεννημάτων, ἢ ποιήμα ὡς ἐν τῶν ποιημάτων—ἀνάθεμα ἔστω.* Сравн. Arii ep. ad Alex.—*κτίσμα τοῦ Θεοῦ τέλειον, ἀλλ' οὐχ' ὡς ἐν τῶν κτισμάτων γέννημα, ἀλλ' οὐχ' ὡς ἐν τῶν γεννημάτων.*—Въ особенноти интересно это буквальное совпаденіе лукіановскаго символа съ посланіемъ *Ἡ πίστις ἡμῶν*, если признать вмѣстѣ съ Шварццемъ, что исповѣданіе вѣры въ этомъ посланіи составлено на виннискомъ соборѣ, слѣд. можетъ считаться духовною собственностью не одного Арія, но и Евсевія никомидійскаго, Θεогнія никейскаго и Марія халкидонскаго, слѣд. цѣлою группою виднѣвшихъ лукіанистовъ.

Правда, по изслѣдованію извѣстнаго спеціалиста въ вопросѣ о символахъ Каспари, заключительная часть 2-й антиохійской формулы, начиная со словъ *ταύτην οὐκ ἔχοντες τὴν πίστιν*, прибавлена на самомъ антиохійскомъ соборѣ 341 года

1) Ср. *Спасскій*—159—160, 432.

и не можетъ, какъ текстъ, принадлежать Лукіану. Но такъ какъ и относительно главной части символа далеко не безспорно, что онъ представляетъ собою совершенно буквальное воспроизведеніе исповѣданія вѣры, составленнаго самимъ Лукіаномъ, то нѣтъ ничего невозможнаго и въ томъ, что отцы антиохійскаго собора приведенное мѣсто заимствовали у Лукіана. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что не могли же отцы антиохійскаго собора 341 года заимствовать это выраженіе изъ письма Арія къ Александру. Правда письмо это, какъ доказаль В. Н. Самуиловъ, впоследствии получило значеніе авторитетнаго догматическаго памятника въ глазахъ оміійской партіи. Но въ 341 году оміи еще не выдѣлились какъ особая партія изъ ряда другихъ антиникейцевъ, и на соборѣ *εν τοῖς ἐγκαινίοις* большинство несомнѣнно составляли правые оригенисты, для которыхъ ученіе Арія было совершенно неприемлемо и въ томъ видѣ, какъ оно излагается въ письмѣ къ Александру. И сами авторы 2-й антиохійской формулы въ 1 анафематизмѣ стараются отклонить отъ себя всякое подозрѣніе относительно того, что они признаютъ существованіе какаго-то времени до рожденія Сына. *Καὶ εἴ τις παρὰ τῆν ἐπιτῆ τῶν γραφῶν πιστὶν διδάσκει λέγων ἢ χρόνον, ἢ καιρὸν, ἢ αἰῶνα, ἢ εἶναι ἢ γεγονέναι, πρὸ τοῦ γεννηθῆναι τὸν Υἱὸν α. ε.* Въ посланіи *Ἡ πίστις* прямо сказано, что Сынъ не существовалъ до рожденія, *οὐκ ἦν πρὶν τοῦ γεννηθῆναι*, и не совѣченъ Отцу.—Поэтому я склоненъ думать, что выраженіе *κτίσις ἀλλ' οὐχ ὡς ἐν τῶν κτισμάτων, γέννημα, ἀλλ' οὐχ ὡς ἐν τῶν γεννημάτων*, и самимъ Аріемъ заимствовано у Лукіана.

(Можетъ быть, неизлишне указать и на то, что эта фраза въ символѣ Лукіана нѣсколько полнѣе, чѣмъ у Арія, у котораго нѣтъ ничего соответствующаго словамъ символа: *ποίησις, ἀλλ' οὐχ ὡς ἐν τῶν ποιημάτων*).

5. Въ символѣ Лукіана Сынъ Божій называется „неразличнымъ образомъ“ „божества, существа, совѣта, *ου.λυ.* и славы Отца“. У Арія нѣтъ параллелей къ этому.

[Можно развѣ лишь указать параллель къ слову *δόξης* въ ер. ad. Alex. *καὶ τὸ ζῆν καὶ τὸ εἶναι παρὰ τοῦ πατρὸς εἰληφότα, καὶ τὰς δόξας συνυποστήσαντος αὐτῷ τοῦ πατρὸς—παρὰ τοῦ Θεοῦ τὸ εἶναι ἔχει καὶ τὰς δόξας καὶ τὸ ζῆν*; здѣсь слово *δόξα* могло быть взято у Лукіана; но смыслъ его употребленія совершенно иной у Лукіана и Арія.

Но Евсевій никомидійскій говоритъ о „совершенномъ *побити* расположеніи и *силы*“ Отца и Сына. Разница между символомъ Лукіана и Евсевіемъ въ этомъ отношеніи, конечно, неоспорима. Символь Лукіана есть документъ совершенно оміусіанскій по своему смыслу, письмо Евсевія только оміскій. Но кажется естественнѣе думать, что Евсевій сдѣлалъ здѣсь уклонъ влѣво отъ ученія Лукіана, чѣмъ что отцы антиохійскаго собора 341 года уклонились вправо, или даже заимствовали это выраженіе не у Лукіана.

Такимъ образомъ, сличеніе 2-й антиохійской формулы съ письмами двухъ лукіанистовъ подтверждаетъ показаніе оміусіанъ, что эта формула по содержанію и до известной степени и по фразѣ принадлежитъ мученику Лукіану. Это подтверждаетъ и общій характеръ символа; обиліе въ немъ терминовъ, заимствованныхъ изъ священнаго писанія, какъ „Слово живое, Премудрость живая, Свѣтъ истинный, Путь, Истина, Воскресеніе, Пастырь, Дверь“. Въ пресвитеръ Лукіанъ, много потрудившемся для установки греческаго текста Св. Писанія, основателъ той богословско-экзегетической школы, которая въ противовѣсъ аллегоризму александрійцевъ, выдвигала на первый планъ буквальный смыслъ Писанія, естественно ожидать особенной любви къ библейскимъ выраженіямъ. Не даромъ и въ 4 вѣкѣ лукіанисты и ихъ союзники въ борьбѣ съ никейскимъ символомъ съ особенною настойчивостью указываютъ на то, что въ него внесены не библейскія выраженія, и въ свои собственныя вѣронзложенія, чтобы показать ихъ согласіе съ Св. Писаніемъ, прямо вносятъ выраженіе *κατὰ τὰς γραφὰς*.

Слѣдовательно, для реконструкціи ученія Лукіана, мы смѣло можемъ, подлѣ писемъ Евсевія никомидійскаго и Арія, пользоваться и „символомъ Лукіана“—2-й антиохійской формулой.

Въ какомъ же видѣ представляется ученіе Лукіана о Св. Троицѣ по этимъ источникамъ?

Существуетъ одинъ только нерожденный и безначальный Богъ Отецъ, Вседержитель, Творецъ всего и Промыслитель, изъ Котораго все, Единый Истинный Богъ, Единый имѣющій безсмертіе, Единый Премудрый, Единый Благій, неизмѣнный и непреложный, Богъ закона и пророковъ и Новаго завета, Онъ прежде всѣхъ вѣковъ родилъ Сына своего,

Единогоднаго Бога, чрезъ котораго создалъ и вѣка и все, Бога отъ Бога, Совершеннаго изъ Совершеннаго, Единаго изъ Единаго, Слово явное, живую Премудрость, Свѣтъ истинный, Путь, Истину, Воскресеніе, Пастырь, Дверь, родиль его не призрачно, а по истинѣ, не изъ существа Своего, а по своей волѣ, неизмѣннаго и непреложнаго, неразличный образъ Божества, существа, совѣта силы и славы Отца, совершенно подобнаго Ему, перворожденнаго всей твари, твореніе Божіе совершенное, но не какъ одно изъ твореній, рожденіе, но не какъ одно изъ рожденій, сущее въ началѣ къ Богу Бога Слова (*Θεὸν Λόγον* не *τὸν Θεὸν Λόγον*), а въ послѣдніе дни спешаго ъвыше и родившагося отъ Дѣвы по писаніямъ и сдѣлавшагося человѣкомъ, посредникомъ между Богомъ и людьми, апостола вѣры нашей, и начальника жизни, какъ онъ говоритъ, что „сидохъ съ небесе не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца“ (Іоан. 6, 38), страдавшаго за насъ, воскресшаго въ третій день и восшедшаго на небеса и сѣдящаго одесную Отца, и пакн грядущаго съ славою и силою судить живыхъ и мертвыхъ и въ Духа Святаго, даваемого вѣрующимъ въ утѣшеніе, освященіе и совершеніе, какъ Самъ Господь сказалъ: Мѣ. 28, 29, гдѣ именно Отець и Сынъ и Духъ Св. означаютъ присущую каждому ипостасъ, порядокъ и славу такъ, что они—три по ипостаси, но едино по согласію.

Совершенно безспорно, что въ такомъ видѣ ученіе Лукіана представляется гораздо болѣе близкимъ къ ученію Оригена, чѣмъ къ ученію Арія или даже Евсевія никомидійскаго. Средство лукіановскаго символа съ оригенизмомъ замѣтилъ и А. А. Спасскій. Онъ говоритъ (стр. 324): „На самомъ дѣлѣ традиціонный авторитетъ второй формулы возвышался дальше Лукіана. Въ текстѣ ея встрѣчаются выраженія Оригена и цѣлые обороты, буквально взятые изъ знаменитаго символа Григорія Чудотворца“. Но такъ какъ Григорій Чудотворецъ былъ ученикомъ самого Оригена, то и мѣста общія въ символахъ Григорія и Лукіана, вѣроятно, нужно отнести на счетъ Оригена.—А. А. Спасскій, судя по стр. 173—176. (176: „система Арія была самобытна и оригинальна“) за исключеніемъ зависимости ея отъ ученія Павла самосатскаго стр. 175) не допускаетъ никакой связи между

чистымъ арианствомъ и оригенизмомъ. Но по моему, если въ чемъ правъ Гарнакъ, такъ это въ томъ, что и въ основѣ арианства чрезъ посредство лукіанизма лежитъ тотъ же оригенизмъ. Зависимость отъ Оригена ясна не только въ символѣ Лукіана, но напр. и въ посланіи *Η πίστις ἡμῶν*: выраженіе: *μόνον ἀληθινόν, μόνον ἀθανάσιον ἔχοντα, μόνον ἀγαθόν* безспорно взято здѣсь посредственно или непосредственно у Оригена. Вотъ почему я принимаю эти выраженія за лукіановскія. Позволю себѣ напомнить, что переходъ Лукіана изъ общества Павла Самосатскаго въ церковь совершился въ такую эпоху, когда былъ безспорно *ἐν ἀξιολογωτάτοις Ὠριγένης*, какъ не только самый выдающійся, но и почти единственный церковный богословъ на Востокѣ, написавшій первый и даже потомъ не повторявшійся, хотя и далеко не во всемъ строго церковный, опытъ системы христіанскаго вѣроученія, и огромное количество экзегетическихъ трудовъ. Мыслимо ли, чтобы вліяніе Оригена совершенно не коснулось Лукіана и по переходѣ его въ церковь?—Лукіанъ, самъ человѣкъ ученый и продолжатель трудовъ Оригена по критикѣ текста Св. Писанія, не могъ не цѣнить Оригена, какъ величайшаго христіанскаго ученаго, и необходимо долженъ былъ ознакомиться съ его трудами. И такъ какъ ученіе Оригена о св. Троицѣ до 325 года, повидимому, не вызывало на востокѣ никакихъ сомнѣній и признавалось едва-ли не самымъ чистымъ выраженіемъ церковнаго ученія, то перейдя въ церковь, Лукіанъ даже необходимо долженъ былъ ознакомиться съ „богословіемъ“ Оригена. Поэтому, я не вижу ни малѣйшихъ основаній сомнѣваться въ томъ, что оригенистическіе элементы въ символѣ Лукіана могутъ принадлежать самому Лукіану.

Система Лукіана, есть, по моему, система Оригена, но изложенная въ томъ видѣ, въ какомъ она доступна была пониманію Лукіана, какъ аристотелика, и вмѣстѣ съ тѣмъ первый шагъ влѣво отъ Оригена. Какъ для аристотелика, человѣка съ сухимъ разсудочнымъ мысленіемъ, для Лукіана едва-ли понятно было возвышенное, но и утонченное оригеновское ученіе о Богѣ, какъ существѣ настолько абстрактномъ, что къ Нему едва-ли приложимо даже названіе „существо“ *οὐσία*; какъ о безусловно-единомъ и простомъ, какъ *ὄντατις* въ смыслѣ потенціи, и о Сынѣ, какъ его энергіи,

какъ Его *вѣчною* Слово и Премудрости, рождающейся отъ Отца *внѣ* времени и постоянно. Приводя оригеновскіе термины въ родѣ *Λόγος ζῶν, σοφία ζῶσα, φῶς, εἰκὼν*, Лукіанъ влагалъ въ нихъ вѣроятно нѣсколько иное содержаніе. Его *πρὸ τῶν αἰώνων* далеко не точно соотвѣтствуетъ оригеновскому *ἀεί*. Возможно, что тутъ сказался не одинъ недостатокъ спекуляціи, но и полемическое отношеніе къ оригенову ученію о вѣчномъ твореніи міра. До открытаго признанія Сына Божія происшедшимъ во времени Лукіанъ однако не дошелъ. Но за то онъ особенно настаивалъ на томъ, что Сынъ есть твореніе, хотя и не какъ одно изъ твореній, и что онъ произошелъ не изъ существа Отца, и что рожденіемъ его происхожденіе можно назвать лишь въ переносномъ смыслѣ.

Ἐκ τῆς οὐσίας отвергалъ и Оригенъ, и у него встрѣчается слово *κτίσμα* въ приложеніи къ Сыну. Однако его собственное ученіе о рожденіи Сына изъ воли Отца весьма близко подходитъ къ ученію о рожденіи изъ существа Отца. Рожденнымъ изъ воли Отца *ἐκ τοῦ βουλήματος*; признавалъ Сынъ и Лукіанъ и называлъ его образомъ сущности Отца; но повидимому полемика съ *ἐκ τῆς οὐσίας* у него имѣла болѣе рѣшительный смыслъ. *Κτίσμα* и *Ποίημα* Лукіанъ повидимому употреблялъ чаще Оригена. И конечно оригеновскіе: *Ἄυτολόγος, Ἄυτοσοφία, Ἄυτοαλήθεια, Ἄυτοδικαιοσύνη* гораздо возвышеннѣе чѣмъ лукіановскіе *Λόγος ζῶν, σοφία ζῶσα, Αλήθεια*.—И однако нельзя, кажется, указать ни одного пункта, гдѣ Лукіанъ въ ученіи о Сынѣ Божіемъ дѣлалъ бы рѣшительный уклонъ влѣво отъ Оригена. Разъ онъ не дошелъ до открытаго и совершенно сознательнаго признанія, что Сынъ Божій родился во времени и изъ ничего, то онъ былъ въ ученіи о Сынѣ Божіемъ только оригенистомъ *sui generis*, а не Аріемъ до Арія.

Свящ. Д. Лебедевъ.